

Московский гумбольдтовский клуб

**НАУКА И ИННОВАЦИИ
В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И РАЗВИТИИ МИРА**

**SCIENCE AND INNOVATIONS IN MODERNIZATION OF RUSSIA AND
WORLD DEVELOPMENT**

**Материалы
Международной гумбольдтовской конференции
22 – 24 апреля 2010 г., Москва**

**Москва
Институт энергии знаний
2010**

УДК 001.895(082)

ББК 72

Н34

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
ООО «Инновации и высокие технологии МГУ» и
Фонда им. Александра Гумбольдта (Германия)

Наука и инновации в модернизации России и развитии мира: Science and Innovations in Modernization of Russia and World Development:
Материалы Международной гумбольдтовской конференции, 22 – 24 апреля 2010 г., Москва / Московский гумбольдтовский клуб; Общ.ред. д.ф.н., проф. Т.С.Иларионовой- М.: Институт энергии знаний, 2010. - 223 с.

В сборнике представлены статьи участников Гумбольдтовского коллоквиума по разным направлениям научных исследований. Авторами уделено большое внимание опыту и перспективам российско-германского интеллектуального сотрудничества, оценены пути модернизации России, предложены новые решения в области гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Сборник дает представление о темах исследовательских проектов ученых России. Статьи на русском, немецком и английском языках приводятся в авторской редакции.

Для читателей, интересующихся проблемами современной науки.

ISBN 978-5-904843-01-4

© Авторы, 2010 г.

© Иларионова Т.С., 2010 г.

© Институт энергии знаний, 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	
Александр Ерохин. О «пространственном повороте» в гуманитарных науках Германии	6
Александр Кармаев, Татьяна Кармаева. Методы образования в интересах устойчивого развития: «Обучение действием» в вузах Германии и России	14
Ольга Томашевич. Становление отечественной египтологии и Берлинская школа	17
Анна Серебренникова, Альбина Клемент. Общая характеристика германского уголовного права	27
Ольга Уланова. Трансфер немецкого опыта и знаний в Байкальский регион в сферу управления отходами	33
Tatjana Gordejewa. Lautmodifikationen bei der Segmentierung der Deutschen Spontansprache	37
Татьяна Гордеева. Опыт гумбольдтовского клуба регионов Поволжья в организации международных научных связей	43
ОБРАЗОВАНИЕ, ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА – ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ	
Татьяна Никитина. Международный банковский надзор: уроки мирового финансового кризиса	47
Татьяна Иларионова. Модернизация России: формула успеха	55
Вадим Анищенко. Высшее образование в России: проблемы и перспективы	62
Alexander Makarov. Harmonization of the development of regional innovative systems	71
Татьяна Богатырева. Медийный аспект государственной этнокультурной политики в условиях роста культурного многообразия	77
Михаил Хорьков. Рецепция, коммуникация, новация: О новых подходах в изучении позднесредневековых философских библиотек	86
Татьяна Попова. О судьбе древних памятников славянской книжной культуры (на примере Лестницы Иоанна Синайского)	92
Александр Нифёдкин. Новые и традиционные методы в исторических исследованиях на примере изучения военной истории древности в России	99
Эльза-Баир Гучинова. Память о лагерной пайке. Воспоминания японских военнопленных о лагерях в СССР	106
Михаил Шкаровский. Развитие Русской Православной Церкви и церковной науки в 1990-2000 гг.	116
Вера Гиряева. Экологическое сознание и отношение к природе: сравнительные исследования	132

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Александр Ерохин,

профессор Удмуртского государственного университета, заведующий кафедрой
издательского дела и книговедения
e-mail: erochin@yandex.ru

О «пространственном повороте» в гуманитарных науках Германии

Среди многочисленных методологических «поворотов» в гуманитарных науках конца XX – начала XXI столетия (ср. «постколониальный», «перформативный», «иконический» или «изобразительный», «трансляционный» повороты и др. [1]) в последнее время в зарубежной научной литературе оживленно обсуждается «пространственный поворот». Впервые появившийся в книге «Постмодернистские географии» американского географа Эдварда Соджа в 1989 г. [2], этот термин затем достаточно быстро распространился на гуманитарные исследования, включая социальные науки (особенно так называемые «urban studies»), занимающиеся изучением городов), историю, теорию массовых коммуникаций, искусство- и литературоведение.

Сам изобретатель термина сначала использовал его скорее случайно: ему посвящен один из параграфов «Постмодернистских географий» – три с половиной страницы текста. Здесь Соджа, в духе популярного для своего времени «постколониализма», критикует западный марксизм за увлечение временной проблематикой в ущерб пространственным, географическим аспектам дискурсивности. Первым, кто преодолел этот недостаток марксистской мысли, по мнению Соджа, был французский социолог и философ Анри Лефевр в книге 1974 г. «Производство пространства» [7]. Парадигмальное значение своему рабочему понятию Соджа придал в книге «Третье пространство. Путешествие в Лос Анджелес и другие реальные и воображаемые места» (1996 г.) [3].

В процессе освоения очередного концептуального «поворота» была проведена большая работа по формулировке и уточнению его парадигмального статуса, терминологии, а также задач и сфер применения. Были выявлены исторические, научные и культурные факторы, приведшие к расцвету пространственных штудий: это, прежде всего, бурное развитие телекоммуникаций, масс-медиа и интернета и глобальные геополитические сдвиги в последние двадцать лет, особенно после краха коммунистической системы. Не последнюю роль сыграла популярность в XX в. теории текста и теории информации с их явными пространственными коннотациями: так, в канадской школе коммуникативистики было проведено принципиальное для «пространственного поворота» сближение понятий информации, коммуникации и пространства. Известно, что Гарольд Иннис и Маршалл Маклюэн, ведущие канадские теоретики коммуникаций, обращали особое внимание на важность массовых коммуникаций для пространственно-географической стабильности и экспансии различных государственных образований и цивилизаций, от Древней Египта до Соединенных Штатов Америки [4].

Сегодня трудно судить, станет ли новый концептуальный «поворот» парадигмальным или запомнится в истории науки лишь как одна из многих тенденций в гуманитарном знании на рубеже XX и XXI вв. Ясно лишь одно: как минимум в европейской гуманитарной традиции «пространственный поворот» далеко не случаен и имеет, как показывает знакомство с научной литературой Германии и Австрии, свою солидную предысторию.

В этих двух странах инициированный в США «пространственный поворот» вызвал живой отклик: историки, теоретики культуры и историки литературы активно работают с этим термином со второй половины девяностых годов. Особенно заметным «пространственный поворот» становится в немецкой гуманитарной науке в первое десятилетие XXI в.: на эту тему опубликовано большое количество статей, монографий, проведен целый ряд конференций, что позволяет признать за «пространственным поворотом» статус серьезного научного явления, достойного обсуждения.

Большую популярность приобрело предпринятое немецким исследователем Стефаном Гюнцелем различие «топологического» и «топографического» поворота [5]. По мнению Гюнцеля, топография, или картография, культурно обусловлена, то есть исторична и во многом произвольна. В свою очередь, топология как термин, взятый из математических наук, отличается неизменностью и инвариантностью: «топологический поворот», вызванный к жизни, в частности, структурализмом, обращен отнюдь не к реальному пространству, а, напротив, абстрагируется от конкретных пространственных форм ради выделения первичных отношений, определяющих условия «пространственности» как таковой [6]. Таким образом, топологический поворот, по Гюнцелю, относится к сфере математики и философии (особенно феноменологии), тогда как топографический поворот следует связывать с науками гуманитарными и историческими, в том числе занимающимися культурой и литературой.

В рамках таким образом пространственного или топографического поворота в немецкой гуманитарной науке выдвинулся ряд исследователей, осмысляющих культуру и литературу Германии и Австрии в новой перспективе, под воздействием карто- и географически обусловленных методов анализа.

Особая заслуга в применении «топографического» инструментария к анализу литературных и научных текстов немецкого и австрийского модерна принадлежит Зигрид Вайгель, известной своими работами по истории и теории литературы и культуры, а также гуманитарного знания XX в. С нее, по сути, началось восприятие и критическое осмысление «топографического поворота» в Германии.

О первостепенном значении пространства для европейской культурологической мысли XX в. она заговорила еще в 1992 г. в статье «Пассажи и следы "пространства тела и образа" в трудах Вальтера Беньямина» [7]. Интерес к фигуре Беньямина в контексте «пространственного поворота», бесспорно, не может быть случайностью: работы этого выдающегося немецкого мыслителя XX в. полны пространственных метафор или «мыслеобразов» (Denkbilder), становящихся у него инструментом новаторского дискурса, располагающегося на границах философии, науки и художественной эссеистики.

Анализируя понятие «диалектического образа» у Беньямина, Вайгель показывает, как пространственные, оптические метафоры контекстуализируются в его текстах, включаясь в анализ различных явлений культуры, искусства и литературы. Анализируя такие разнородные объекты культуры, как парижские пассажи, кинематограф, сюрреалистические тексты и тексты Кафки, Беньямин, по мнению Вайгель, рассматривает внешнюю топографию культурного универсума как воплощение

коллективной мечты или, иначе, как «внутренность коллективного тела» [8]. Так в мысли Бенямина психоаналитические интенции школы Фрейда сближаются с бахтинским восприятием культуры как органического «тела».

Для Вайгель тело, образ и пространство – важнейшие понятийные инструменты, с помощью которых Бенямин исследует формы сознания и выражения современной эпохи [9]. Все три понятия сходятся у него в эвристических «диалектических образах», соединяющих человеческое и механическое – например, в сюрреалистических «органических часах» Сальвадора Дали или в аллегориях Франца Кафки – таких, как машина для наказания в рассказе «В исправительной колонии». Так или иначе – Бенямин, в интерпретации Вайгель, улавливает в этих чудовищных конструкциях, соединяющих живое и мертво-механическое, будущий триумф «оптически-бессознательного» в современном кинематографе.

Еще одним немецким предтечей «пространственного поворота», ставшим объектом внимания со стороны Вайгель, является Аби Варбург. Варбургу посвящены две статьи Вайгель, попутно поднимающие некоторые аспекты пространственного мышления XX в. [10]. Обе публикации посвящены «Мнемозине» – специальному атласу, в котором Варбург собирал примеры изображений человеческих жестов и движений в различных искусствах и визуальных медиа [11]. Атлас Варбурга становится для Вайгель поводом поговорить о связи между интерпретационными методами литературоведения («читаемостью» – *Lesbarkeit*) и миром вещественной культуры, изучаемым, в частности, археологией. Вайгель сопоставляет «материальные реликты» археологии с их «оборванной традицией» и постоянно перечитываемый – и переписываемый – текст как воплощение «живой» традиции. «Мнемозину» Варбурга Вайгель считает попыткой преодолеть эту границу между дискретным материальным объектом археологии и непрерывным вербальным текстом [12] или, проще говоря, опытом по созданию атласа общеевропейской визуально-образной памяти [13].

С точки зрения Вайгель, Варбург и Бенямин, в равной степени увлеченные образно-символической стороной культуры, не только занимаются ее изучением, но и применяют ее в своей методологии. Здесь снова можно вспомнить о пространственной реконтекстуализации гуманитарных наук, об их возвращении к топографической проблематике. Позволим себе еще одно сопоставление с Бахтиным: российский мыслитель, которого в другой своей работе Вайгель причисляет к тем, кто готовил «пространственный поворот» [14], также в своем роде поспособствовал этой топографической локализации гуманитарного знания в своей теории социально обусловленных речевых жанров, а также в концепции хронотопа.

К пространственной проблематике художественной литературы Вайгель обращается в своей монографии, посвященной поэтическому языку Ингеборг Бахман [15]. Среди важнейших задач своей книги она называет изучение «топографической поэтики» Бахман, в которой реальные и воображаемые пространства накладываются друг на друга, образуя род «смещенной» (*entstellt*) географии [16]. В качестве примеров такой «воображаемой» географии называются различные произведения Бахман: стихотворение «Богемия у моря»; речь по поводу присуждения Бюхнеровской премии, посвященная Берлину; неоконченный романский цикл «Виды смерти»; ранний рассказ «Паром»; эссе «Что я увидела и услышала в Риме» и др.

Пространственная проблематика Бахман определяется Вайгель в контексте послевоенного вопроса о «немецкой вине», как постепенное открытие и углубление травматического знания о собственном – трагическом – месте в истории. Для Вайгель

важно подчеркнуть, что это осознание дается Бахман не с первых ее шагов в творчестве, а обретается долгой и тяжелой работой по поиску адекватного художественного языка.

Среди многочисленных сборников, монографий и статей, опубликованных в Германии и Австрии за последние годы в русле топографического поворота, отметим коллективный труд «Топографии литературы. Немецкая литература в транснациональном контексте», изданный Хартмутом Беме в 2005 г. под эгидой Немецкого исследовательского общества (DFG) [17].

В своем предисловии Беме подчеркивает, что топографический поворот в современных гуманитарных науках не представляет принципиальной новизны: топографические исследования, например, достаточно давно укоренились в медиэвистике и в работах по истории культуры раннего Нового времени [18]. Среди «пионеров»-медиэвистов, затрагивавших пространственный аспект средневековой культуры, он называет, в частности, Эрвина Пановски. Кроме того, как указывает Беме, пространственная проблематика всегда присутствовала в исследованиях по таким пространственным искусствам, как архитектура и театр.

Для Беме «чистого» природного пространства практически не существует: оно всегда особым образом структурировано, и эти структурные пространственные «засечки» имеют культурный характер [19]. Культура в этом смысле означает конструирование различных пространств как с целью перемещения и коммуникации, так и для выработки устойчивых, оседлых форм существования – жилья, отдыха, хранения и т. д. Культуры, по Беме, изначально топографичны, карты древнее письменности, а пространственные измерения древнее хронологических. «Культурная организация начинается с культурных технологий пространства» [20]. Таким образом, для Беме культурное значение топографии состоит в семиотической организации пространства, позволяющей осуществлять направленное, осмысленное передвижение. Пространства также нарративны, они требуют двойной читательской компетенции: 1) умения читать карты; 2) умения посредством карт ориентироваться в реальном пространстве [21]. Различные культуры обладают собственными культурными технологиями, позволяющими по-своему обозначать, ограничивать и упорядочивать пространства [22].

В более поздней своей статье, «Задачи и перспективы науки о культуре» [23], Беме ставит перед культурологией и смежными науками задачу изучения различных «сетей обмена», в том числе с точки зрения их пространственных аспектов [24]. Под сетями он понимает «биологические или созданные человеком искусственные формы организации, служащие для производства, распределения, коммуникации материальных или символических объектов» [25]. Среди таких сетей Беме особо останавливается на урбанистических транспортных сетях (железнодорожных, автомобильных, телеграфных, почтовых) и их значении как для современной цивилизации, так и для науки. Он утверждает: «Сети строились для того, чтобы наблюдать за ними и распознавать их» [26]. Для Беме, тем самым, в понятии «сеть» заключено два значения – материально-технической системы и конструкции саморефлектирующего знания [27]. В последнем случае речь идет о важном эпистемологическом сдвиге, произошедшем, по Беме, на рубеже XVIII и XIX вв., когда не в последнюю очередь немецким философским идеализмом была выдвинута программа когнитивного анализа методов и практик научного познания [28].

Следуя за размышлениями Беме, можно сказать, что современный «пространственный поворот», проявившийся, в частности, в исключительной популярности метафоры «сети», приобретшей в последнее время статус научного

понятия, позволяет сблизить различные методологии гуманитарных исследований в некотором едином когнитивном «поле», отличающемся топографической и картографической направленностью. В этом смысле также можно говорить о тенденции к переоформлению гуманитарного знания в рамках новой топологической реструктуризации гуманитарных наук.

Повторим, что обостренный интерес в последние годы немецких ученых-гуманитариев к топографической теме не может быть объяснен одной только модой и влиянием «гуманитарной географии» американского образца. Дело здесь, скорее, в особой роли пространственной проблематики в перипетиях немецкой истории XX в., в судьбах немецкого государства и немецкой нации.

Одним из наиболее последовательных адептов «пространственного поворота» в немецкой исторической науке выступает Карл Шлёгел, требующий, в частности, реабилитации немецкой географии и краеведения, особенно XIX в. (Карл Риттер и Александр фон Гумбольдт) [29]. Кроме того, Шлёгел одним из первых в современной Германии предложил вернуться к германской историко-философской мысли первой половины XX в. и тем самым преодолеть то, что Карл Шмит в свое время называл «боязнью пространства» в современных гуманитарных науках, а сам Шлёгел называет «пространственной атрофией» [30]. К использованию пространственных методик в исторических науках также призывает историк Томас Шиндль [31].

Свои топографические пристрастия Шлёгел часто реализует на материале российской истории, и прежде всего в своих работах о двух российских столицах – Москве и Петербурге [32]. Используя известную метафору города-метрополии как «театра всемирной истории», Шлёгел рассматривает Москву и Петербург как средоточие самых разнообразных энергий модерна – утопических, конструктивистских, мифологических, патологических, – существенно повлиявших на европейский модерн и постмодерн. Работы Шлёгеля о двух русских столицах в контексте культуры модерна и постмодерна существенно дополняют отечественную историко-семиотическую традицию рассмотрения «московского» и особенно «петербургского» текста российской культуры.

Вслед за Шлёгелем, немецкий исследователь Юрген Иоахимсталер в статье «От единой нации к культурно разнообразному региону. Пространственный поворот как провокация национальных филологов» [33] заявляет о том, что географический, топографический подход к культуре, представленный немецкими авторами XIX – первой половины XX вв. и дискредитированный нацистскими лозунгами: «народа без пространства» и «натиска на восток», сегодня должен быть восстановлен в своих правах – разумеется, с учетом новой культурной и политической ситуации. Иоахимсталер следует за Эдвардом Соджа и другими пионерами «пространственного поворота», призывая пересмотреть распространенный в историко-культурной мысли XIX – XX вв. тезис о реакционной «статичности» пространства и говорить о «пространственной культуре» наций, сложившейся исторически.

Внимание Иоахимсталера сосредоточено на особенностях немецкой пространственной культуры и связанной с ней этнополитики в эпоху кайзеровской Германии. Автор утверждает, что особый радикализм немецкого национального движения происходит от зыбкости его демографической базы, а также – от длительного отсутствия в сознании немцев государственного и географического образа единой Германии [34]. Чтобы преодолеть провинциальную дробность немецкого национального сознания, германское государство после объединения в 1871 г. приложило много усилий для того, чтобы из отдельных «локальных» идентичностей сформировать целостную

общегерманскую идентичность. По мысли Иоахимсталера, консолидация германской нации, шедшая в XVIII в. преимущественно через литературу и культуру (Лессинг, Гете, Шиллер и др.), в конце XIX – начале XX вв. завершилась форсированным политико-идеологическим принуждением «сверху», заставившим немцев подчинить государственнической идеологии иные, менее значимые для государства идентичности – региональную, религиозную, классовую.

Иоахимсталер называет некоторые способы создания такой «искусственной» интегральной идентичности: это, прежде всего, всеобщая воинская обязанность, позволяющая жителям разных регионов знакомиться с другими территориями страны [35]. Этой же цели служили и многочисленные краеведческие организации наподобие «Перелетных птиц» (Wandervögel). В рамках этой же стратегии географического воспитания единой нации Иоахимсталер рассматривает издательскую деятельность рубежа XIX и XX веков: многочисленные атласы, путеводители, учебники по географии и краеведению [36].

Эта деятельность, направлявшаяся не только сверху, но и встретившая положительный отклик в широких массах, преобразила всю «семиосферу» немецкой нации и в том числе гуманитарные науки, включая педагогику и филологию. По мнению Иоахимсталера, всеобщая средняя школа, сформировав чувство общей родины у молодого поколения немцев, одновременно изгнала из обучения риторику и поэтику, тем самым лишив своих воспитанников навыков свободного литературного самовыражения и приучив их с подобострастием взирая на недостижимые творения своей культурной элиты [37].

Нарисовав специфический образ «тоталитарной семиосферы», сконструированной в кайзеровской Германии с привлечением ресурсов немецкой классической литературы, Иоахимсталер предъявляет свой счет немецким историкам литературы: по его мнению, традиционное хронологическое изложение истории национальной литературы следовало бы как минимум дополнить литературной историей регионов, с обязательным включением иноязычных литературных произведений, создававшихся в данной местности. Если отбросить неизбежные полемические «перехлесты», то в итоге останется довольно трезвое предложение включать в литературную историю Германии (или любой другой страны) записки путешественников-иностранцев, а также больше внимания уделять литературе такого национального меньшинства, как лужицкие сорбы [38].

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что поставленные немецкими представителями «пространственного поворота» проблемы заставляют по-новому взглянуть на наследие российской гуманитарной науки XX в., задуматься о вкладе таких отечественных авторов, как М. Бахтин и Ю. Лотман, уже названных на Западе среди предтеч и инициаторов «пространственного поворота». Список этих ученых следует расширить, включив в него П. А. Флоренского, В. И. Вернадского, А. Я. Гуревича, Б. А. Успенского и других. Но это – тема другой работы, в которой следовало бы рассмотреть специфику восприятия пространственной проблематики в российских науках о культуре.

Примечания

1. Bachmann-Medick D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. 3., neu bearb. Aufl.- Reinbek, 2009.

2. Soja E. W. Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory.- London, 1989.

3. Soja E. W. Thirdspace. Journeys to Los Angeles and other Real-and-Imagined Places. - London, New York, 1996.
4. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего.- М., 2005; Innis H. A. Empire and Communications.- Toronto, 1972.
5. Günzel S. Spatial Turn – Topographical Turn – Topological Turn. Über die Unterschiede zwischen Raumparadigmen // Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften. Hrsg. von J. Döring und T. Thielmann.- Bielefeld, 2008.- S. 219 – 237.
6. Там же.- С. 221.
7. Weigel S. Passagen und Spuren des "Leib- und Bildraums" in Benjamins Schriften // Leib- und Bildraum. Lektüren nach Benjamin. Hrsg. von S. Weigel.- Köln, Weimar, Wien, 1992.- S. 49 – 64.
8. Там же.- С. 54.
9. Там же.- С. 57.
10. Weigel S. Aby Warburgs "Schlangenritual". Korrespondenzen zwischen der Lektüre kultureller und geschriebener Texte // Texte und Lektüren. Perspektiven in der Literaturwissenschaft. Hrsg. von A. Assmann.- Frankfurt a. M., 1996.- S. 269 – 288; Weigel S. Zur Archäologie von Aby Warburgs Bilderatlas "Mnemosyne" // Die Aktualität des Archäologischen in Wissenschaft, Medien und Künsten. Hrsg. von K. Ebeling und S. Altekamp.- Frankfurt a. M., 2004.- S. 185 – 208.
11. Weigel S. Aby Warburgs "Schlangenritual". Korrespondenzen zwischen der Lektüre kultureller und geschriebener Texte // Texte und Lektüren. Perspektiven in der Literaturwissenschaft. Hrsg. von A. Assmann.- Frankfurt a. M., 1996.- S. 272.
12. Weigel S. Zur Archäologie von Aby Warburgs Bilderatlas "Mnemosyne" // Die Aktualität des Archäologischen in Wissenschaft, Medien und Künsten. Hrsg. von K. Ebeling und S. Altekamp. - Frankfurt a. M., 2004.- S. 187.
13. Там же.
14. Weigel S. Zum "topographical turn". Kartographie, Topographie und Raumkonzepte in den Kulturwissenschaften // KulturPoetik, Bd. 2.- 2002.- Heft 2.- S. 151-165.
15. Weigel S. Ingeborg Bachmann.- Wien, 1999.
16. Там же.- С. 24.
17. Topographien der Literatur. Deutsche Literatur im transnationalen Kontext. Hrsg. von H. Böhme.- Stuttgart, Weimar, 2005.
18. Там же.- С. X.
19. Там же.- С. XVII.
20. Там же.- С. XVIII.
21. Там же.- С. XIX.
22. Там же.- С. XXI.
23. Böhme H. Aufgaben und Perspektiven der Kulturwissenschaften // Kulturwissenschaften. Konzepte, Theorien, Autoren. Hrsg. von I. Därmann und Chr. Jamme.- München, 2007.- S. 35 – 52.
24. Там же.- С. 45.
25. Там же.- С. 47.
26. Там же.- С. 49.
27. Там же.- С. 50.
28. Там же.

29. Schlögel K. Kartenlesen, Augenarbeit. Über die Fälligkeit der spatial turn in den Geschichts- und Kulturwissenschaften // Was sind Kulturwissenschaften? 13 Antworten. Hrsg. von H. D. Kittsteiner.- München, 2004.- S. 270.

30. Там же.- С. 267.

31. Lefebvre H. The Production of Space.- Oxford, 1991.

32. Schlögel K. Moskau lesen.- Berlin, 1985; Schlögel K. Petersburg: Das Laboratorium der Moderne 1909-1921.- München, 2002.

33. Joachimsthaler J. Von der einen Nation zur kulturell vielfältigen Region. Der «spatial turn» als Provokation der Nationalphilologien // Convivium. Germanistisches Jahrbuch Polen. 2008. Hrsg. von M. Grimberg, U. Engel, S. H. Kaszynski.- Bonn, 2008.- S. 29 – 59.

34. Там же.- С. 36.

35.- Там же.- С. 37.

36. Там же.- С. 36.

37. Там же.- С. 42 – 43.

38. Там же.- С. 48.